

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФЕНОМЕНА «КРИЗИС» В КОНТЕКСТЕ ВЫЗОВОВ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

Н. А. Гаршин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 марта 2025 г.

Аннотация: предметом статьи является анализ вызовов, вызванных развитием науки и техники. Рассматриваются как положительные, так и потенциально опасные стороны развития научного знания и его влияние на жизнь человека. Особое внимание автор уделяет антропологическому аспекту кризисов в современном мире и его связи с наукой.

Ключевые слова: кризис, антропология науки, философия науки, трансформация социальной реальности.

Abstract: the subject of the article is the analysis of the challenges caused by the development of science and technology. Both positive and potentially dangerous aspects of the development of scientific knowledge and its impact on human life are considered. The author pays special attention to the anthropological aspect of crises in the modern world and its connection with science.

Key words: crisis, anthropology of science, philosophy of science, transformation of social reality.

Новый век и тысячелетие, наступив 25 лет назад, манили свежими открытиями и перспективами. При этом их приход был и ожидаемым, что логично, поскольку дата наступления была известна и в отсутствие глобальных катаклизмов неотвратима, и всё же неожиданным. Подспудно человек словно не верил, что календарь и отсчет годов жизни будущих поколений нужно будет начинать не с «тысяча такого-то года», а с «две тысячи». Особенно остро перемены и надежды ощущались в России. Надежды на новое руководство, постепенное улучшение уровня жизни и многое другое, словно путеводная звезда, дарили веру в новые времена.

Однако вызовы грядущих времен, в том числе идущие от науки, также были частью нового века. Безусловно, данная тенденция брала свое начало еще в XX в., когда наука всё активнее начала проникать в жизнь как промышленных корпораций, так и обычных людей. Эти изменения несли не только вызовы и проблемы, о которых мы скажем чуть позже. Важно дать объемную, полноценную картину сравнения и отразить негативные черты и позитивные трансформации. В противном случае работа будет носить весьма односторонний характер, что снизит ее эвристический и научный потенциал, сведя до уровня трагедизации наличного бытия в художественном ключе.

Стремительно меняющийся мир угрожал части людей остаться на обочине в силу развития научно-технического прогресса, другой же части давал

новые шансы, невиданные и невозможные прежде. Поколение, рожденное в селах и деревнях в 30-е гг. прошлого века, вполне могло в начале своей жизни не видеть даже радио, а сегодня, уже в старости, пользоваться достижениями высокоскоростного интернета. То, что совсем недавно казалось делом практически фантастическим, стало явью. Нельзя не отметить и того факта, что уровень потребления благ значительно вырос. А. М. Буровский, сравнивая условия жизни, отмечает, что «современный человек несравненно богаче своих предков. По понятиям даже очень обеспеченных людей начала XX в. он просто неправдоподобно богат. Убедиться в этом очень просто: достаточно сравнить размеры домов и квартир начала XX в. и начала XXI в. Жилье богатого парижанина или петербуржца столетней давности меньше и темнее, чем жилье самого среднего из наших современников. Наша повседневная еда показалась бы пиром для 90 % жителей Петербурга или Москвы 1900 г. Одежда... После изобретения нейлона наши женщины ходят в шелках, как императрицы Рима или как жены миллионеров XIX в.» [1, с. 8]. Таким образом, нельзя не признать, что в области материального потребления существенный прогресс наблюдался весьма в значительной мере. Однако возникает закономерный вопрос: какой ценой он был достигнут?

Прогресс в области естественных и точных наук позволил нарастить объем мощи человеческого воздействия на природу, но гуманитарное знание, как и адаптация человека к новым условиям, не поспевала за ним. В итоге сложилась парадоксальная ситуация: человечество очень хорошо стало знать, как делать,

но не могло четко сформулировать ответ на вопрос, зачем это делать. И если бы дело касалось лишь производства. На бумаге рост потребления казался прорывом, однако на деле едва ли человек стал в силу его по-настоящему счастливее. Конечно, ни голод, ни теснота не способствуют счастью, но и изобилие его не принесло. Несмотря на бурный рост научных знаний, человечество не только не приблизилось к решению вопроса о том, как и что потреблять, но, возможно, в силу изобилия даже отдалилось от него. Э. Фромм указывал на парадокс современного потребления следующим образом: «Наш способ потребления неизбежно приводит к тому, что мы никогда не бываем удовлетворены, поскольку потребителем реальной конкретной вещи является вовсе не наша реальная, конкретная личность. Таким образом, мы развиваем постоянно увеличивающуюся потребность во все большем количестве вещей и во все большем потреблении» [2]. Фромм так же, как и мы выше, упоминает, что до известного предела (преодоления голода, холодных и опасных условий жизни) такой рост был обоснован. Однако сегодня потребление не только является моральной или философской проблемой, но и представляет собой прямую угрозу существованию человека, что связано с экологией, развитием оружия массового поражения, иными антропогенными вызовами, явившимися обратной стороной научно-технического прогресса. Человек, как писали экзистенциалисты, оказывается в заброшенном состоянии, кроме того, попадает в трудное противоречие. Оно связано с невозможностью отказаться от результатов НТР и НТП, но также и с пониманием опасности продолжать жить, ничего не изменяя.

Неслучайно концепт общества риска зародился в середине прошлого века. У. Бек, описывая его характеристики, замечал, что «общество риска есть общество, чреватое катастрофами. Его нормальным состоянием грозит стать чрезвычайное положение» [3, с. 15]. Человек же, попав в такое состояние, испытывает растерянное и невротическое состояние. Несмотря на растущее потребление, угнетающие его душу вызовы и риски не позволяют человеку насладиться приобретенными благами. Подобное положение хорошо иллюстрирует пример из философии Нового времени. П. Гассенди, рассуждая о счастье, говорил, что нельзя стать счастливым, будучи вором или бесчестным человеком, поскольку его совесть того не позволит. Аналогично современный человек вынужден постоянно соотносить свое существование с рисками, принесенными наукой в его жизнь, но с которыми он сам по себе не может справиться в одиночку. Мало того, исследуя феномен риска, мы пришли к выводу, что в настоящее время он склонен к мультипликации, т. е. однажды зародившись в одной сфере, риск распространяется на другие социальные

институты. При этом у него даже не обязательно есть конкретный субъект, породивший данную цепочку самовоспроизводства. Это явление может быть результатом действий нескольких отдельных лиц или структур, каждая из которых резче или пассивнее отреагировала на те или иные события. В таких условиях человек начинает опасаться действовать, принимать на себя ответственность, что делает его более инфантильным и зависимым. Важно и то, что риски могут подстергаться в тех областях, где того и не ожидаешь. Так, исследуя распространение риска в различных формах деятельности, мы обнаружили его в таких, на первый взгляд, неожиданных местах, как искусство и документооборот. Однако и там неумелые или непродуманные действия способны привести или к насилию, или к значительному сбою функционирования социальных институтов и учреждений.

Цифровое измерение современной жизни лишь усиливает указанные выше тенденции. Дело в том, что медиaprостранство является отличной средой для распространения рисков. То, что до эпохи быстрого интернета распространялось бы постепенно, давая временной разрыв и, как следствие, важную возможность критически осмыслить поступившую информацию. Кроме того, развитие клипового мышления, поддерживаемое появлением все новых форм электронной коммуникации, значительно снижает желание рефлексировать над потребляемой информацией. Неслучайно в наш язык так прочно вошел термин «постправда», ставший «словом года» 11 лет назад. Когда реакция медиа и публики важнее реального положения вещей, становится очевидно, что едва ли опровержения смогут значительно исправить ситуацию. Скорее, на него просто не обратят внимания. Кроме того, сами медиа становятся субъектом манипуляции, а человек является объектом. Именно медиа, так или иначе, осуществляют подбор информации, на которую опирается человек. Как писал Н. Луман, «всё, что мы знаем о нашем обществе и даже о мире, в котором живем, мы узнаем через массмедиа. <...> Мы сопротивляемся их воздействию, подозревая, что нами манипулируют, но по существу это ничего не меняет, потому что знания, полученные нами из массмедиа, словно сами собой складываются в замкнутый каркас, элементы которого укрепляют друг друга» [4, с. 9]. Это также добавляет стресса в жизнь человека, повышая желание скрыться в иллюзорном мире цифровой среды.

Актуальной особенностью современного состояния общества и человека в нем становится крайняя степень сближения как человека и науки, так и виртуального и реального пространств. Человек, получив обилие инструментов в виде гаджетов и технологий, стал крайне зависим от них, что может стать причи-

ной их отчуждения, если трактовать его как ситуацию, при которой дело жизни или плоды усилий человека и общества восстают против своего создателя. Уже сейчас нередки ситуации, когда виртуальные друзья становятся значимее собственной семьи, а состоянием смартфона родители могут интересоваться больше, чем здоровьем детей. Это не только негативно с моральной точки зрения, но и несет само по себе дополнительные риски. Дело в том, что долгое время у исследователей ИИ была надежда, что в ходе взаимодействия человека и компьютера и сопряженных с ИИ устройствами машина станет более человекообразной. Однако мы наблюдаем обратный процесс. Скорее, сам человек становится всё более механистическим и менее способным творчески мыслить. Это видно и по оскудению языка, и по переносу в живую речь технических терминов и сокращений из интернета.

Рассуждая об этом, С. С. Православский выделял следующие риски: «Имплицитная опасность такого “поворота” процессов социальной коммуникации состоит в том, что использование различных агентов легитимации (тех или иных социально-политических сил) возросшего потенциала современных информационных технологий может приводить к масштабным деформациям коммуникации и к общественным потрясениям» [5, с. 109]. Это также повышает восприимчивость общества и человека к манипулятивным технологиям. Кроме того, попытки синтезировать человека и машину не только меняют природу человека, но и негативно сказываются непосредственно на органической составляющей тела. К примеру, попытки внедрения электродов в мозг на постоянной основе способны вызвать гибель нейронов. И это мы еще не знаем о долгосрочных последствиях грубого вмешательства в природу человека, которые могут наступить через 20–30 лет. Безусловно, если речь идет о спасении жизни, риск может быть оправдан. Однако мы можем наблюдать тенденцию к изучению этой темы для вживления киберорганов (т. е. технологических приспособлений, имеющих особую структуру и связь с ИИ) человеку по его желанию, например, для повышения продуктивности. При таком вопросе актуальной остается проблема, как именно определить человека, сколько таких устройств или приспособлений он может иметь, сохраняя статус *homo sapiens*. Ведь отказ телесности в определении человека может привести к тому, что через некоторое время жесткий диск с сознанием также получит статус человека, что представляется весьма сомнительным как с философских, так и с правовых позиций. Не ясно, какие права и обязанности могут быть у подобного «постчеловека».

Размытие социокультурной ниши понятия «человек» чревато последствиями, способно привести к

противоречиям в различных сферах. Мы это видим на примере феномена толерантности. Постоянно расширяя свой функционал, беря не свойственные для себя функции, эта ценность вместо реальной защиты прав меньшинств стала инструментом принуждения и подавления. Следствием и подтверждением деформации толерантности является феномен культуры отмены, которая уже не защищает права человека, а напротив, угнетает их. Г. Маркузе предупреждал о возможности такого развития событий еще в середине прошлого века. Он писал: «Политический смысл толерантности изменился: поскольку она почти незаметно стала принципом власти, а не оппозиции, она превратилась в форму обязательного поведения по отношению к официальной политике. Толерантность превратилась из активного состояния в пассивное, из практики – в бездеятельность» [6, с. 100–101]. Последствия ее деформации мы наблюдаем не в тиши университетских кабинетов или в философских лабораториях, а в самой что ни на есть практической жизни. Ее кризис привел к тому, что западная система права осталась не готова выстроить механизмы, адекватно реагирующие на перегибы в применении толерантности к жизни, следствием чего стало не самое дружелюбное поведение мигрантов, проблемы в сфере бизнеса и т. п. Как знать, наделив существ или механизированных и роботизированных созданий статусом человека, сможем ли мы преодолеть такой вызов? К. С. Аксаков [7] справедливо замечал, что лишь соблюдающий моральные правила человек имеет право требовать их соблюдения к себе. Так и с толерантностью: лишь будучи терпимым к общественным нормам и договору, человек сам имеет право на терпимость. Однако будут ли могучие роботизированные постлюди терпимыми – вопрос спорный и открытый. Как мы видим на примере мигрантов, очень часто случаются конфликты, явно формируется оппозиция «свой-чужой». Безусловно, каждый случай требует отдельного рассмотрения, однако посягая не на отдельную ценность, но на само определение человека, соотносимое с его правами и обязанностями, стоит быть особенно осторожным. Конечно, говоря о данном аспекте проблемы, мы заглядываем несколько в будущее, но оно наступит, и возможно быстрее чем мы того ожидаем. И тогда уже нашим потомкам придется работать с теми вызовами, которые мы им оставили в наследство.

По-видимому, прав был А. Тойнби, говоривший, что «по мере роста всё меньше и меньше появляется вызовов, идущих из внешней среды, и всё больше и больше появляется вызовов, рождённых внутри действующей системы или личности» [8]. Современный антропологический кризис – дело рук самого человека и науки, восставшей против своего создателя. Однако не стоит рассматривать кризис сугубо в нега-

тивном ключе. Он в определенном смысле служит маркером проблем, указывая, что в данной сфере существует напряжение. Кроме того, преодоление кризиса даст возможность новому качественному скачку в развитии человека, науки и общества. Будучи порождением диалектически противоречивого развития науки и техники, антропологический кризис сам по себе представляет проблему, решать которую придется также научными методами. В этом состоит определенный парадокс современного уклада жизни. Решая проблему, созданную наукой, мы вынуждены к ней и обратиться. Это, безусловно, потребует пересмотра определенных установок как внутри науки, так и в духовной культуре в целом. Справедливо замечание В. В. Ильина, который в своей монографии пишет, что «мы оказались в неприглядной ситуации не локального кризиса, не локального кризиса рациональности, но тотального кризиса рационализованной жизни» [9, с. 32]. Сам жизненный уклад, выстроенный по лекалам ценностей модерна, оказывается перед необходимостью существенной трансформации. Именно отсюда мы можем начинать отсчет тенденций, которые привели нас к антропологическому кризису, порожденному наукой. А такие трансформации, мало того, что непросты, так еще и сами по себе являются источником значительных рисков. Это, в свою очередь, лишь усиливает негативное влияние неопределенности как на общественную жизнь, и на деятельность отдельного человека, но и мешает развитию самой науки, повышая вероятность ошибок. А на современном этапе развития технологий любая ошибка может иметь крайне масштабные и трагические последствия.

Подводя итог статьи, важно отметить следующее. Развитие науки, как и прогресс в целом, носит внутренне противоречивый характер, что отражает ее диалектическую природу. При несомненных достижениях и плюсах важно не забывать о минусах. К сожалению, вызовы и риски в условиях цифровизации социального пространства и влияния медиа на общественную жизнь плодятся намного быстрее, чем позитивная информация. Вместе с тем не следует недооценивать опасность вызова, которую несет пересмотр понятия «человек», и приписывания статуса человека или равного ему различным роботизированным созданиям. Особенно это касается наделяния правами ИИ, а также указанных созданий, поскольку может привести к коллапсу социальной системы.

Выходом из данного кризиса видится системное, комплексное развитие науки, в том числе в области гуманитарного знания. Это позволит более вдумчиво использовать имеющиеся мощности новых технологий и даст шанс избежать трагедий от непродуманного применения знания. Именно философия способна подобрать ключи как к разрешению антропологического кризиса, так и к развитию науки и ее ценностей с учетом переосмысления преодоления текущего кризиса. Справедливо замечал Э. Гуссерль, рассуждая о состоянии науки и необходимости истины: «Нам, современным людям, сформировавшимся в ходе этого развития, грозит величайшая опасность утонуть во всемирном потоке скепсиса и упустить тем самым свою собственную истину» [10, с. 30]. Именно обретение полноценной власти над могуществом, которое дала нам современная наука, возможно, позволит нам выработать инструментарий для преодоления кризиса, особенно в его антропологическом измерении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буровский А. М. Человек третьего тысячелетия (Куда мы идем). СПб. : Страта, 2013. 264 с.
2. Фромм Э. Здоровое общество. URL: https://bookap.info/book/fromm_zdorovoe_obshchestvo/#o
3. Бек У. Общество риска : на пути к другому модерну. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.
4. Луман Н. Реальность массмедиа. М. : Практика, 2005. 256 с.
5. Православский С. С. Трансформация социальной коммуникации в информационном обществе // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 4. С. 105–110.
6. Маркузе Г. Репрессивная толерантность // Автономное действие. URL: <https://avtonom.org/news/gerbert-markuze-repressivnaya-tolerantnost>
7. Аксаков К. С. О современном человеке // Литература и жизнь. URL: http://dugward.ru/library/estetika/kaksakov_sovr_chel.html
8. Тойнби А. Постигание истории. URL: <http://gumilevica.kulichki.net/Toynbee/index.html>
9. Ильин В. В. Философия кризиса : человечество на пороге катастрофических перемен : монография. М. : Проспект, 2024. 104 с.
10. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология (введение в феноменологическую философию). СПб. : Владимир Даль, 2004. 396 с.

Воронежский государственный университет
Гаршин Н. А., старший преподаватель кафедры
истории философии и культуры
E-mail: garshnick@mail.ru

Voronezh State University
Garshin N. A., Senior Lecturer of the Department History of Philosophy and Culture
E-mail: garshnick@mail.ru